РАЗЫГРЫВАЮТСЯ:
ей в размере 25%,
в размере 50%,
в размере 100%,
в размере 200%
вклад
сберегатель
и Горьковской
(горо
ЯТСЯ
ШНЫМ

Нижегородцы встречают великого земляка

(Окончание. Начало на 3 стр.).

деть, как можно пристальней приглядеться к великим переменам в делах и людях его родного города.

На хлебозаводе Алексей Максимович долго стоял у тестомешалки и с увлечением смотрел, как механические руки-лопасти переворачивают многопудовое пшеничное месиво. Потом зашел в душевые кабины, даже кран повернул — проверить, действует ли душ.

— Да-а, ловко теперь у вас. Нам когда-то труднее было хлебы печь.

Молоденькая работница, трогательно маленькая рядом с громоздкой фигурой писателя, спрашивает его под одобрительный смех подружек:

— Где вам больше понравилось, товарищ Горький, у нас или в Казани у Семенова?

Алексей Максимович, положив обе руки на плечи девушки, отвечает:

— Если бы у Семенова в Казани было так, как здесь, я бы, пожалуй, на всю жизнь остался пекарем...

На «Двигателе революции» первым держал речь рабочий-комсомолец т. Зиновьев. Он говорил о неисчерпаемой энергии рабочего класса, партии, комсомола, которые осуществляют и осуществят светлые мечты сормовича Павла Власова.

— Вот поглядите, Алексей Максимович, как мы работаем, каких мы себе «стальных рабов» — двигателей делаем. Конечно, Европа пока что лучше нас работает, но мы ее догоним и перегоним. А вы, Алексей Максимович, помогайте нам своим художественным словом, которое добавит нам бодрости и будет двигать на переустройство всей нашей жизни.

Горький поднялся на трибуну. Он оглядел окружившее его множество людей, таких же убежденных в своей правоте и силе, как этот молодой оратор. Поднял было руку, чтобы утихомирить аплодисменты, затем опустил ее в карман, вынул платок и вытер набежавшие слезы. Он долго не начинал свою речь. Мешало волнение, мешал взрыв восторженных возгласов тысяч людей, оценивших лучше всякой речи душевное состояние писателя.

— Замечательные вы люди! Черт его знает, какие замечательные! То, что вы делаете, то, что вы уже сделали — это так грандиозно, что у вас самих нет представления об этом. Вы сами не замечаете, не знаете своих заслуг перед пролетариатом всего мира. В нашей стране родились богатое сердце и богатый разум, которые влияют на весь мир. Запомните: больше гордости собой! Крепче чувствуйте свою силу!

Участники митинга единодушно приняли резолюцию. Она состояла из двух коротеньких пунктов:

«Поблагодарить Алексея Максимовича за приезд на наш завод и пожелать ему здравствовать много, много лет».

«Просить Алексея Максимовича, если позволит ему здоровье, приехать жить к нам в Россию навсегда».

Возвращаясь с «Двигателя революции», заехали на достраивавшийся тогда в Канавине Дворец культуры. Горький легко взбирался с этажа на этаж по узким настилам, заменявшим еще неготовые лестницы, ходил с прорабом по лабиринту коридоров и внимательно слушал рассказ о будущих гостиных, комнатах отдыха и театральных фойе.

— Хорошо! Хорошее дело! Бо-огатое дело! Рабочему государству — рабочие дворцы. Умно и правильно.

В Сормове Алексей Максимович осмотрел паровозный, котельный и дизельный цехи. Поглощенный виденным, он молчаливо переходил от стана к стану, от агрегата к агрегату, изредка обмениваясь с рабочими короткими фразами.

Уставший от трудного дня, от множества впечатлений, от железного грохота цехов (а, может быть, от воспоминаний четвертьвековой давности, когда создавался роман «Мать»), Горький отдыхал, облокотившись на перила балкона заводоуправления. Этот же балкон служил трибуной состоявшегося позднее митинга.

Рассказав о международном политическом значении успехов рабочего класса страны Советов, поделившись впечатлениями, накопленными в поездке по Союзу, Алексей Максимович пожелал сормовичам плодотворной работы и новых трудовых побед.

— Перед вами теперь прямой путь к твердой цели. Не сворачивайте с него!.. Помните, вам надо культурно расти, развиваться, вам надо создавать рабочую высококвалифицированную интеллигенцию. Я уверен в вашей победе, товарищи!

На выставке Госторга Горький долго любовался мастерством народных художников Хохломы, Палеха, Мстеры и весело беседовал со старикомпалешанином.

— Вот, Алексей Максимович, извольте взглянуть на этот ларец. Узнаете?

Горький смотрит на сверкающий цветным лаком свой портрет девятисотых годов, где он изображен в широкополой шляпе и развевающемся плаще.

— Неужели я таким был?

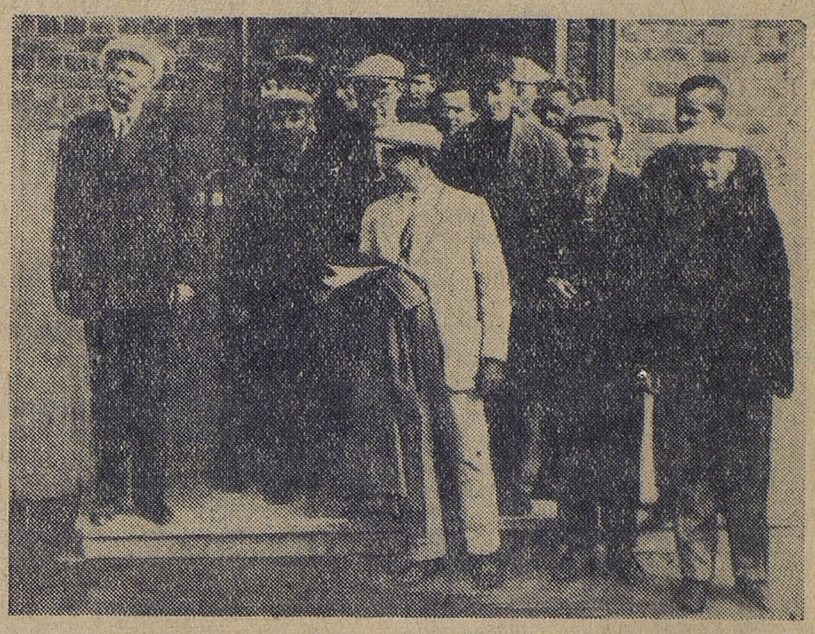
— Точь-в-точь таким, — безапелляционно заверяет старик. — У наших мастеров глаз безошибочный.

— А все же ошибся ваш мастер. У меня золотые усы никогда не росли, и не предвидится.

— Это не так понимать надо, Алексей Максимович. Мастер тут золотцем ударил не в изменение естества, а для возвышения личности Максима Горького. Вот как это понимать надо...

На обратном пути в машине Горький вспоминал палешанина.

— Умница, старикан! Такие вот ярославские и костромские говоруны-краснобаи офенями по Руси ходили, большую культурную миссию выполняли...



На днях в нашу редакцию пришел персональный пенсионер С. К. Белов. У него сохранился редкий снимок, сделанный во время посещения Балахнинской электростанции А. М. Горьким, А. А. Ждановым и А. С. Щербаковым.

Публикуем этот снимок.

«ТРУД — ИСТОЧНИК ВСЕХ РАДОСТЕЙ»

В ясное, солнечное утро 9 августа пароход «Клара Цеткин» отчалил от верховой пристани, взяв курс на Балахну.

Немногие часы этой поездки на всю жизнь сохранятся в памяти ее участников. На верхней палубе в плетеных креслах сидели несколько человек и зачарованно слушали Алексея Максимовича. Трепетная красота этого утра на облитой солнцем Волге настроила его на лирический лад. Он рассказывал изумительные истории из своей изумительной жизни — о встречах с друзьями после многолетней разлуки, о том, что судьба делала с людьми и как люди распоряжались своей судьбой.

Было в рассказах Горького и знакомое по его произведениям, но обогащенное новыми красками, новыми подробностями, оно представало как впервые услышанное, как вновь узнанное. Мы испытывали невыразимую радость от общения с этим умнейшим человеком, величайшим художником, искуснейшим рассказчиком.

Масштабы и сложность Бумстроя поразили Горького. Он шумно восхищался титанической работой мощных подъемников, транспортеров, размерами машин в бумажном зале — с двухэтажный дом высотой и длиной в 110 метров. Речь его была взволнованна, он то и дело прибегал к сильным выражениям:

— Черт его знает, как это вам, нищим, отсталым, удается строить такие махины! Поразительно, черт возьми!

Когда Алексей Максимович собрался уезжать на Нижгрэс и директор Бумстроя начал благодарить его за посещение, писатель весьма энергично прервал благодарственную речь:

— Чудной вы народ! Это я вас благодарить должен за то, что получил возможность видеть такое замечательное сооружение. Спасибо вам, товарищи! Очень многое мне у вас понравилось. Весной обязательно еще побываю у вас.

У проходной Нижгрэс Горького встретила группа рабочих, которые вручили ему, помимо букета цветов, приказ дирекции о зачислении в штат станции на должность почетного электромонтера и служебное удостоверение. Поблагодарив рабочих за высокую честь, Алексей Максимович шутливо говорит своим спутникам:

— Вот у меня еще одна профессия прибавилась, третья по счету: маляр, писатель, электромонтер. Без работы не останусь...

С удивительной энергией Горький приступает к осмотру станции. Этот 60-летний человек уже много часов провел сегодня на ногах, исходил целые километры по корпусам и цехам, обливался потом в машинных отделениях и котельных. Но по-прежнему неутомим он в своей любознательности, по-прежнему безудержно в нем желание как можно больше видеть, знать, запечатлеть то новое, грандиозное, что происходит вокруг него.

— Я знаю, что такое труд, — сказал Алексей Максимович, прощаясь с энергетиками. — Это источник всех радостей, всего лучшего в мире. Никогда во всей истории человечества, никогда человеческие ум и воля не взлетали так высоко, как теперь у нас, в стране Советов. Будем верить, что рука, сделавшая все то, что я видел, будет и дальше творить и строить. А если кто-нибудь попытается остановить эту руку, она сожмется в кулак, который раздробит все, что будет стоять на его пути.

10 августа Алексей Максимович провел несколько часов в нижегородской радиолаборатории, затем встретился с коллективом редакции «Нижегородской коммуны» и членами литературной организации города.

Вечером того же дня нижегородцы провожали своего дорогого гостя, уезжавшего в Москву. В ответ на прощальные приветствия, Горький сказал провожающим:

— Я нашел ваш город после 20-летнего отсутствия еще более хорошим, чем он был раньше, а людей еще более милыми, а главное — молодыми. До свиданья, земляки мои! Спасибо за вашу любовь!

Мих. ПОЛОНСКИЙ.

Баллада о родине Горького

1.

Здесь он мальчишкой худеньким бродил,
Знал все сады, все улочки кривые,
Здесь он впервые плакал и любил
И понял слово—Родина!—впервые.
Вот здесь, у старых волжских пристаней,
Бывало, он простаивал подолгу,
Здесь в сутолоке пляшущих огней
Запомнил ту, что стала всех родней —
Широкую дымящуюся Волгу.
Она не плеском ласковым своим
Баюкала взрослеющего сына, —
Она тогда открыла перед ним
Рабочую, натруженную спину;
Она частушкой, песенной строкой
Не раз своих хозяев проклинала,
Она ему под сенью пристанской
С глубокой материнскою тоской
И о друзьях поведала немало.
А было их так много у реки!
Они здесь, у нужды в тяжелых лапах,
Весь день таскали на горбу мешки
По ходуном ходящим скользким трапам.
В них по душе все было пареньку:
И их глаза и песни их живые.
И он до боли полюбил реку,
Где понял слово — Родина! — впервые.

2.

Где б он ни жил, где б ни был он потом,
Ему, как откровенье детства, снилась
Та мать-река, в чьем лоне голубом
Почти что пол-России отразилось.
Как он ее любовью дорожил!
Путями каменистыми шагая,
Он верою и правдой ей служил,
Нигде и никогда не изменяя.
На Черном море, у прибрежных скал,
Следя, как гордо реет буревестник,
Он волгарей-знакомцев вспоминал,
Мятежные для них слагая песни.
Под солнцем Капри, в дальнем далеке,
Где так тоска по Родине щемяща,
Он все мечтал о Волге, о глотке
Ее воды родной, животворящей.
Любовь свою пронес он сквозь лета!
Не зря ключом в чудесной прозе била
Раздольных волжских песен широта,
Тоска гармошки с дальнего плота
И волжская стремительная сила.
Не зря в местах, где он подолгу жил
Вдали от края, сердцу дорогого,
Он по-сыновьи нежно сохранил
Ее простой и окающий говор.
Не зря, пройдя полтысячи дорог,
Он встречи с ней, как счастья, дожидался,
А встретясь, скрыть волнения не мог —
К глазам дрожащий подносил платок
И доброю улыбкой улыбался.

3.

Я знаю, что волжанам-землякам,
Потомкам тех, с кем он сдружился с детства,
Хотелось бы, чтоб он приехал, к нам,
Чтоб мог сейчас на Волгу наглядеться,
Чтоб вспомнил снова, как, бывало, он
Стоял у этой пристани когда-то...
Как был бы он по-детски восхищен,
Вдруг посетив родимые пенаты!
Тем, что жар-птицы сказочной сильней,
Весенним ясным солнышком согрета,
Летит у новых волжских пристаней
Стрелою белоснежная «Ракета».
Тем, что на волнах голубой реки
Так вольно нашей песне на просторе,
Когда в ночи, как звездочки ярки,
Дробятся золотые огоньки
У молодого Горьковского моря.
Иное детство он бы здесь открыл,
Он пел бы наши пе[illegible] и зоревые
Про милый край, где он когда-то жил,
Где он впервые плакал и любил,
Где понял слово — Родина! — впервые.

В. АВТОНОМОВ.